

РАЗДЕЛ II. ПУБЛИКАЦИИ

УДК 271.2-725 (470.56)

Иерей Евгений Шилов

ЛИЦА И СУДЬБЫ ПЕРВОГО ВЫПУСКА ОРЕНБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ. ИЕРЕИ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ РУСАНОВ (1871–1917) (С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЕГО ПИСЬМА К ИЕРЕЮ СЕРГИЮ ГУСЕВУ И НЕКРОЛОГА)

Аннотация: В статье, предваряющей данную публикацию, приводятся уточнённые сведения к биографии выпускника Оренбургской духовной семинарии, однокашника С. И. Гусева – иерея Константина Михайловича Русанова (1871–1917). Интерес автора публикации к судьбе иерея К. М. Русанова обусловлен проведённым ранее исследованием жизни и творчества С. И. Гусева-Оренбургского и непосредственным участием в издании собрания его трудов¹. В настоящей публикации приводится письмо К. М. Русанова, адресованное С. И. Гусеву, не публиковавшееся ранее; и некролог о смерти К. М. Русанова, опубликованный в газете «Оренбургский церковно-общественный вестник» 22 июня 1917 г. через три месяца после его кончины, неизвестный широкому кругу читателей.

Ключевые слова: иерей Константин Михайлович Русанов, Оренбургская духовная семинария, С. И. Гусев-Оренбургский, Алабуга, станция Кундравинская.

Сведения об авторе: Шилов Евгений Вадимович, иерей, кандидат философских наук, магистр теологии, доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли, Российский государственный социальный университет (Россия, Москва). E-mail: evgeny_shilov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1988-9239>.

Цитирование: Шилов Евгений, иерей. Лица и судьбы первого выпуска Оренбургской духовной семинарии. Иерей Константин Михайлович Русанов (1871–1917) (с приложением его письма к иерею Сергию Гусеву и некролога) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 2 (39). С. 207–218.

Поступила в редакцию: 24.05.2026. Принята к публикации: 15.06.2026.

¹Шилов Евгений, иерей. Бытописатель русского духовенства С. И. Гусев-Оренбургский: путь от священника к писателю и от революции к Святой Руси // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 1 (30). С. 145–159; Шилов Евгений, иерей. Новые сведения об американском периоде жизни (1923–1963 гг.) писателя С. И. Гусева-Оренбургского // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 3 (32). С. 134–152; Шилов Евгений, иерей. Новые сведения об американском периоде жизни (1923–1963 гг.) писателя С. И. Гусева-Оренбургского (окончание) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 4 (33). С. 176–197.

Духовные семинарии в дореволюционной России были уникальными учебными заведениями, соединявшими в себе черты сословной школы, классической гимназии и профессионального богословского училища и находившимися под строгим контролем Святейшего Синода. Перестав существовать в 1917–1919 гг. как духовные школы, они приняли под свои своды учеников и их наставников нового строя. Возрождение семинарий спустя почти столетие стало восстановлением зданий, уставов, а вместе с ними, что более значимо, – уникальной образовательной среды, которая готовила не только священников, но и русскую интеллигенцию – учителей, врачей, государственных деятелей, писателей. Для сохранения традиций семинарского обучения важны поиск, изучение и обнародование сведений о преподавателях, воспитанниках и сотрудниках семинарий, их дальнейшей жизни и деятельности; только так можно восстановить подлинную историю духовного образования и оценить его вклад в русскую культуру, науку и общественную жизнь.

В Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде 1053 (С. И. Гусев-Оренбургский) долгое время хранилось письмо не установленного лица, без подписи и, вероятно, без последней страницы (страниц), датированное 30 марта – 14 апреля 1898 г.² В письме автор поздравляет своего адресата с принятием священнического сана, вспоминает

*Фото 1.
Иерей
Константин Михайлович
Русанов*

общих знакомых, семинарские годы. Судя по характеру изложения, оно является ответом на письмо иерея Сергея Гусева. Анализ данного письма показал, что по ходу повествования автор упоминает свою фамилию («Русанов») и инициалы («К. Мих.»), а также место своего служения («село Алабуга»). На основе сопоставления всех имеющихся данных был установлен автор этого письма. Оно было написано однокашником будущего писателя С. И. Гусева-Оренбургского по Оренбургской духовной семинарии, священником Константином Михайловичем Русановым. В данной статье предпринимается попытка составления биографии этого священника (Фото 1).

² РГАЛИ. Ф. 1053. Оп. 1. Ед. хр. 13.

Константин Михайлович Русанов родился в 1871 г. в священнической семье. Его прадед, Иоанн Петрович Русанов (1779–1847), дьячок (с 1809 г.) Михаило-Архангельской церкви³ села Берёзовки (Тирлянского завода)⁴, положил начало целой плеяде священников и диаконов. Дед Константина Михайловича, Василий Иванович (род. 1802) – дьячок (с 1827 г.) в Михаило-Архангельской церкви крепости Степной Верхнеуральского уезда⁵. Один из сыновей Василия Ивановича, священник Михаил Васильевич (ум. 1898 г.), и был отцом автора обнаруженного письма.

Константин Михайлович Русанов окончил Челябинское духовное училище, а в 1890 г., в первом выпуске, Оренбургскую духовную семинарию с аттестатом второго разряда. Два года, с 1890 по 1892, он преподавал пение и татарский язык в Челябинском духовном училище. В 1892 г. епископом Оренбургским и Уральским Макарием (Троицким) он был рукоположен в сан священника и 14 сентября того же года назначен сверхштатным священником Покровской церкви Челябинского духовного училища.

16 февраля 1893 г. отец Константин, по собственному прошению, переводится на место настоятеля Дмитровской церкви села Алабуги Челябинского уезда, откуда он и пишет письмо к своему однокашнику, отцу Сергию Гусеву. Этот храм, построенный в 1853 г. и освящённый во имя св. вмч. Димитрия Солунского, впоследствии был закрыт советским правительством в 1931 г. и использовался до начала XXI в. как склад зерна. В 2008 г. храм вновь был отдан Русской Православной Церкви, и 20 августа 2008 года в нём прошло первое богослужение⁶.

Вместе с пастырскими обязанностями он преподаёт Закон Божий в алабугской школе, открытой вскоре после постройки храма как приходской (1859 г.) и затем перешедшей в ведомство Министерства народного

³Деревянный храм Михаила Архангела был построен в селе Берёзовка в 1804 г. на средства заводовладелицы Дарьи Ивановны Пашковой. В 1929 г. советские власти закрыли храм, а здание переоборудовали в клуб, который функционирует до настоящего времени.

⁴Тирлянский завод был основан в 1803 г. Д. И. Пашковой рядом с селом Берёзовка. Село Берёзовка затем оказалось в составе Тирлянского рабочего посёлка. Ныне это посёлок Тирлянский в Белорецком районе Башкортостана.

⁵Ныне – село Архангельское Чердаклинского района Ульяновской области. В 1937 г. храм был закрыт и переоборудован в хранилище для зерна, а в 1954–1955 гг. его разобрали в ходе очистки места для Куйбышевского водохранилища.

⁶См.: Антипин Н. А. Церковь во имя Святого великомученика Димитрия Солунского (с. Алабуга Красноармейского района) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2013 / сост. И. Н. Пережогина, О. В. Скребкова, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2013. С. 204–209.

просвещения. В ней ежегодно обучалось 20 мальчиков и девочек. 18 марта 1900 года отцу Константину было преподано архипастырское благословение ко дню святой Пасхи, а 22 июня того же года он был награждён скуфьёй.

Отец Константин активно участвовал в епархиальной и приходской жизни. Он был наблюдателем церковно-приходских школ 20-го благочиннического округа Оренбургской и Уральской епархии (в который входила Алабуга с приходом) (1896 г.), членом благочиннического совета (1897–1899 гг.), следователем (1903 г.). Избирался депутатом съезда Челябинского училищного округа (1897 г.) и XI Общеeparхиального съезда духовенства в Оренбурге (1–21 июля 1906 г.), возглавлял комитет по постройке храма в деревне Феклино (1907 г.).

В одном лишь Челябинском уезде вместе с отцом Константином служило ещё девять Русановых. Его брат Григорий был священником в селе Медведском Чумлякского благочиния Челябинского уезда⁷, а Василий – в Аша-Башовском заводе Уфимского уезда.

Жена отца Константина – Антонина Евгеньевна, урождённая Шмотина, происходила также из священнического рода. В Алабуге у них рождается шесть детей. Старший – Михаил (родился 24 октября 1893 г.). Впоследствии он окончил Челябинское духовное училище, но выбыл из 1-го класса Оренбургской духовной семинарии. Второй ребёнок – Ольга (родилась 16 апреля 1895 г.) – «вследствие слабых умственных способностей находилась при родителях» (скорее всего, она прожила недолго, поскольку впоследствии упоминаются лишь пять детей). Третий – сын Евгений (родился 19 января 1898 г.) – обучался в Челябинском духовном училище⁸. Надежда (родилась 28 августа 1899 г.) – обучалась в Челябинском епархиальном женском училище, и, наконец, Зинаида (25 сентября 1906 г.) и Татьяна (24 октября 1910 г.)⁹.

9 июля 1912 г., по собственному прошению, отец Константин был переведён на настоятельское место к церкви станицы Кундравинской Троицкого уезда¹⁰. В августе 1914 г. он был избран в качестве депутата

⁷ См.: Духовенство и церковные деятели Оренбургской епархии по публикациям «Оренбургских епархиальных ведомостей» 1912–1917 гг. / сост. А. Г. Щегольков: в 4 т. Т. 3. Челябинск, 2012. С. 245.

⁸ Там же.

⁹ См.: Антипин Н. А. Церковь во имя Святого великомученика Димитрия Солунского (с. Алабуга Красноармейского района)... С. 204–209.

¹⁰ Распоряжение епархиального начальства // ОЕВ. 1912. № 28–29. Часть официальная. С. 310.

от Миасского округа на пятнадцатом общепархиальном съезде духовенства Оренбургской епархии и назначен помощником делопроизводителя съезда¹¹. Но уже 25 августа он подаёт заявление съезду о том, что вследствие болезни глаз не может исполнять свои обязанности, в результате чего был освобождён от занимаемой должности¹².

В том же 1914 г. скончалась его жена, оставив пятерых детей. В это время отец Константин состоял членом различных обществ и братств: Оренбургского епархиального Михаило-Архангельского братства (1914–1915 гг.)¹³, Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества (1915)¹⁴. По данным отчётов за 1916 г., это был священник редкой молитвенной религиозной настроенности и высокой нравственности, и он пользовался большим авторитетом среди прихожан¹⁵.

К лету 1916 года тяжкий недуг приковал его к постели и заставил взять отпуск и отправиться из прихода на лечение¹⁶. 27 апреля 1917 г. отец Константин скончался.

Письмо иерея К. М. Русанова к иерею С. И. Гусеву¹⁷

1898 года, Марта 30 дня, село Алабуга. – Апр[еля] 14 дня.

Добрый, дорогой мой друг, отец Сергей Иванович!

Сегодня я послал тебе открытое письмо, в котором обещался написать тебе закрытую эпистолию. С удовольствием, пользуясь свободной вечерней минуткой, приступаю к выполнению своего обещания. Твое письмо – искра, она воспламенила прежним светом доброго дружеского чувства и мое искреннее дружеское к тебе чувство... Какое?.. И хоть

¹¹ Акт // ОЕВ. 1914. № 37–38. Вкладыш. С. 1–2.

¹² Журнал № 6 25 августа 1914 // ОЕВ. 1914. № 48–49. Часть официальная. С. 54.

¹³ К сведению Благочинных и духовенства епархии // ОЕВ. 1915. № 12. Часть официальная. С. 124; Алфавитный список действительных членов Оренбургского Епархиального Михаило-Архангельского Братства за 1915 год // ОЕВ. 1916. № 15–16. Вкладыш. С. 18.

¹⁴ Акт // ОЕВ. 1915. № 33–34. Вкладыш. С. 46.

¹⁵ Духовенство и церковные деятели Оренбургской епархии... С. 245.

¹⁶ *Филологов М., прот.* Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского, для обозрения церквей Оренбургской епархии с 14-го мая по 7 июля 1916 года (Окончание) // ОЕВ. 1917. № 1–2. Часть неофициальная. С. 30.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1053. Оп. 1. Ед. хр. 13.

бы точно определить, но не могу. Одно скажу, и правду реку: ты и твоя добрая семья и крестная крепко сумели притянуть тебя к себе. Ваши добрые отношения ко мне со стороны и твоего покойного родителя мне памятливы и доныне. Часто вы все приходите мне на память. Усоп[ший] боярин Иоанн и Здрав[ствующий] иер[ей] Сергей с Анною издавна записаны у меня в поминальничек. К чему это пишу? К тому, чтобы сказать тебе, дать тебе, насколько возможно, прямой и искренний ответ на твой вопрос, что я, мечтатель сый, по-прежнему. Ты и Ивашка Субботин – крепко мне дороги... К своей жизни, особенно пастырской деятельности, я держу себя поближе к сердцу. Я же сын моего покойного родителя идеалиста. Сердце – око духовной жизни. В слове Божиим Ему отведено первенствующее место. А разуму?.. Разум кичит. О, если бы ты знал, как я премного доволен тому, что ты пастырь Христ[овых] овец. Я люблю пастырство, по твоему письму можно чувствовать, что и ты с таким же чувством несешь иго пастырства. Теперь ты ко мне ближе, чем прежде, когда ты был вне одеяния священнического. Теперь мы лучше с тобою углубимся друг в друга... а почему же мне не писать, скажешь. Потому что питал доныне, а с получением твоего письма еще больше стал питать надежду, что недалеко то время, когда жители Микулиных шатров (припоминается Федор Иван[ович], Верещага) сойдутся, встретят один другого, яко пастыри словесных овец. Право, я много доволен был, когда узнал, что ты поступил невдалеке от моих родителей, теперь еще в несколько раз моя радость о тебе увеличена: ты познакомился и с лицами, мне дорогими. Много тебе написал бы, но нестройная толпа незабвенных воспоминаний сбивает с панталыку. И о себе хотелось бы поведать тебе, и о тебе и твоим житьишке разузнать, уведать о крестной и разных* матерях твоих, но... право не могу. И сердце переполнено чувствованиями о тебе добрыми и в умственном фонаре (- уме -) масса мыслей, всплывающих под напором волн сердечных. Дорогой друг, ты всегда мне был таковым, когда был и в Уфе, и в Оренбурге (в то время, как я учительствовал), и в Нежинке, и Долговской. Промысел Божий, призвавший тебя на свящ[енно]-иерейскую степень, сблизивший нас в юношеские годы, и на жизненном пути поставляет нас в самые близкие отношения. Узлы дружбы нашей пообчищаются от пыли, грязи, каковыми беспощадная жизнь старается закидать все доброе, святое. Но рано или поздно, добро победит зло. Мне не страшна вся мировая сумма зла, моя маленькая с пылинку вера в Спаса Нашего спасает меня от уныния, печали. И в сельском месте, сельскому иерею,

* О крест[ной] напиши. Жива она или покойна (сноска в письме. – Е. III).

хотя не мимо старающемуся подбросовестней отнестись к своему дому, труд без конца есть. О, христианское пастырство! О, пастырство сельское – одинокое! В моей любви к тебе всё тонет земное. Даже и преждевременная кончина (по земным расчетам) дорогого родителя моего мне отрадна. Умер он – одинокий идеалист – как мученик, как верный солдат на посту своем, как пастырь словес. Стада на Божеств[енной] страже... Завидный жребий, славный удел, память праведного мужа... Уже по самому положению своему сельский пастырь должен дорожить всяким добрым человеком, к нему расположенным. А что сказать про то обстоятельство, когда к одинокому пастырю подходит с [неразб.] чувством (поймет ли он мое приближение...) таковой же пастырь... Зачем ты усумнился во мне, друже? На твой дружеский крик не могу ли я не откликнуться?

И как я останусь равнодушным, когда зовет меня на соучастие в деле великом давнишний собинный мне друг. В юношеских летах при всей нашей близости мы были далеки, теперь мы установились, нравственный облик наш определился. Хочется узнать, насколько мы один на другого походим. Прошное наше дорого, драгоценно и настоящее, будет таковым же и будущее. Из среды, далекой от духовной, в каковой я родился, ты перешел в среду нашу. При всей [неразб.], ты теперь мне много дороже. Мы с тобой – оба молитвенники за родителей наших. Боже мой! Боже мой! Какими крепкими узами духовного братства ты укрепляешь наше юношеское дружество! Я и потому и к тебе первым не писал, что был как-то уверен, что я для тебя «прежний [неразб.] Русанов». Замечательно, мы никогда, мне по крайней мере не помнится, не называли друг друга по имени. Это хороший знак, знак дружбы бескорыстной, твердой, спокойной, всегдашней. Звали мы один другого: «Сер[гей] Ив[анович]»; «К[онстантин] Мих[айлович]». Зовем тако и теперь. И это знак дружбы вышереченной. Но что тебя уверять. Кажется, ясно. Только пиши, брат, я тебе постараюсь обо всем ответить. До мая, когда я думаю посетить родные палестины, повидаться и с тобой, еще далеко. Сейчас настанет время труда, сродного экзаменичному, а потом наступит вakat... Право если бы не бабье, да не ребеча (у меня уже 4, а у тебя?), готовь качалку ехать хоть сейчас, благо кто [неразб.], на поэтическую Никулину Яму, о которой, впрочем, уже мечтает Феодор Иванович. На первый раз будет. Уже XI ч[асов] вечера. Завтра в 5 ч[асов] звать к заутрени. Все три дня служу Литургии. Евангелие инде читаю не все... В прошлые годы на 6 и на 7 вычитывал до иоты [неразб.] не пришлось. И семей [неразб.], и следствие производил о непров. [неразб.] метрич[еской] записи своего прихожанина... Пиши,

друзе. Извини, что пишу гадко. Бери [неразб.] стекло. Желая тебе о Христе радоваться на Христ[овых] днях и в моих родных палестинах.

«Утешайте люди моя...». Припомни пр[орока] Исаию. Утешай, друже, при свидании мою мамку... Хочу ее взять с сестрами к себе, ей не хочется, но как быть? Ей не хочется покинуть дорогую могилу; всё же придется.

В «Оренбургском церковно-общественном вестнике» (№ 22 от 22 июня 1917 г.) вышел некролог под названием «Пастырь добрый»¹⁸, в котором даётся довольно яркая характеристика отошедшего ко Господу священника. Автор этой статьи, некто П. Л. М., был, несомненно, близко знаком с отцом Константином, и, судя по всему, вёл с ним переписку.

Пастырь добрый
(Светлой памяти Священника о. Конст. Мих. Русанова,
†27 апреля 1917 года)¹⁹

«Он весь был порыв ко всему доброму, прекрасному, истинно-христианскому. Даже от привлекательной наружности его веяло церковностью. Задумчивый взгляд его кротких голубых глаз свидетельствовал о смирении и благородстве души его.

Дни раннего детства его протекли в одном из глухих сел Челябинского уезда, в доме отца, священника, строгого исполнителя церковных уставов. Свое образование Константин Михайлович начал с Челябинского Духовного училища. Серая, непримечательная обстановка жизни в школе не оставила в душе его светлых, радостных воспоминаний. По окончании Духовного училища, в 1884 г., он поступает в Оренбургскую Духовную Семинарию. Новорожденная Семинария очень приветливо приняла мальчика под свой кров. Годы пребывания здесь оставили в сердце его много добрых и приятных воспоминаний. Новый уклад семинарской жизни, более свободной от грубости и гнета начальства, талантливые молодые преподаватели оказали на Константина Михайловича благотворное влияние и оставили глубокий след на его характере. Он всегда с удовольствием вспоминал эти годы и долго хранил связь с первым ректором, отцом Дмитровским, который в его время еще был увлекательным и жи-

¹⁸ П. Л. М. Пастырь добрый (Светлой памяти Священника о. Конст. Мих. Русанова, + 27 апреля 1917 года) // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 22. 22 июня. С. 3–4.

¹⁹ Там же.

вым преподавателем. Но что особенно заняло душу юноши Русанова в Семинарии – это церковное пение. С врожденной искоркой дара к музыке, он увлекался пением и все часы досуга посвящал ему. Он по праву таланта сделался первым регентом семинарского хора, который многих пленял стройным и мощным исполнением священных песнопений. Кто помнит хор того времени, с грустью слушает нынешнее семинарское пение в храме.

В 1890 году Русанов кончает курс Духовной Семинарии. В этом году Семинария подарила обществу первый выпуск своих воспитанников. И нужно сказать – это был целый подарок: много духовных юношей пошло на служение Церкви в родной своей епархии, где и теперь с честью и пользой совершают свое служение. Также любовь к пению побудила Константина Михайловича занять место учителя в Челябинском Духовном училище. Но не учитель как деятельность, ни даже любимый предмет приковывал внимание юноши-идеалиста, его неудержимо влекло желание послужить простому русскому народу на трудном и ответственном посту сельского пастыря. Он выбирает глухое бедное село Алабугу, на границе Челябинского уезда и Пермской губернии, чтобы здесь, вдали от городской жизни, совершать свое служение. Поистине, это был медвежий уголок, оторванный от всего культурного. Жизнь и служение здесь – подвижничество. Но юного работника не смутила мрачная, однообразная обстановка глухой деревни. Он прожил здесь двадцать лучших лет своей жизни, всю свою молодость, почерпая силы и бодрость в истинном пастырском служении темному крестьянскому люду. Единственной радостью его была семья, где ангелом хранителем была добрая жена, верный друг и в горестях, и в радостях. Оба они пользовались всеобщей любовью прихожан, которые шли к ним и за советом, и за помощью. Двери их дома были одинаково открыты для всех во всякое время. Они как бы срослись с населением, и переменить это место, губительно влияющее на здоровье матушки, считали преступлением. Было еще одно утешение у отца Константина, которое вносило разнообразие в его жизнь – это пчелы. Он увлекался пчелами не как профессионал из-за выгоды, а как поэт, наблюдая удивительную по стройности жизнь крылатых работниц. Не раз говорил отец Константин, что в жизни одного улья больше поэзии, чем в жизни громадного города. Среди своих товарищей-священников отец Константин пользовался любовью и искренним уважением за честность и прямоту своих убеждений. Много раз он являлся выборным депутатом на Общественных Епархиальных Съездах духовенства и другие должности в своем благочинии. Так протекала жизнь отца Константина в глухой

Алабуге до 1912 года, где, казалось, проживает он весь свой век. Но губительный климат села явно разрушал здоровье его жены, и призрак роковой развязки побудил его оставить Алабугу и перейти в более здоровую местность, в станицу Кундравинскую. Со слезами покидал он своих прихожан, которые также с непритворной грустью расставались со своим пастырем. Долго тосковал и отец Константин, чувствуя укоры чуткой своей совести, что не до конца дней своих остался верен своему первому приходу. Но героическое его решение – переменить место было уже запоздалым. Подруга жизни его быстро угасала и среди горной и здоровой природы Кундравинской. В 1914 году самое тяжелое горе свалилось на плечи отца Константина – смерть любимой жены. Только глубокая христианская вера помирила его с этой утратой, и он безропотно переносил тяжелое испытание. Куча детей и одиночество – вот наследство, которое получил он сравнительно молодым. Он бодро переносил свое горе, хотя хрупкий организм уже подламывался от пережитого, и злой недуг стерег свою жертву. В марте болезнь обострилась, силы таяли, но дух боролся. В последних письмах своих он восторженно приветствовал совершившийся государственный переворот и верил, что уже наступила светлая пора свободной жизни русского народа и Церкви. Счастливцев, – он не дожил до мрачных нынешних дней, когда свободные силы России забыли свою истерзанную родину, не хотят защищать ее от врага, поправшего ее честь и свободу.

27 апреля сего года, 48 лет от роду, отец Константин тихо угас, оставив после себя пятерых малолетних детей без всяких средств. Чуждый мелких житейских расчетов, он и умер идеалистом.

Спи спокойно, дорогой друг! Твой сон не разбудят ни гром мировой войны, ни шум народного волнения... Ты разрешил загадку жизни и смерти, и грустно теперь смотришь на живых, забывших и братство, и любовь, и правду Божию!»

П. Л. М.

Архивные источники

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1053. Оп. 1. Ед. хр. 13. «Письмо неустановленного лица (без подписи). 30 марта 1898».

Литература

2. Антипин Н. А. Церковь во имя Святого великомученика Димитрия Солунского (с. Алабуга Красноармейского района) // Календарь знаменательных и памятных дат.

Челябинская область, 2013 / сост. И. Н. Пережогина, О. В. Скребкова, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2013. С. 204–209.

3. Духовенство и церковные деятели Оренбургской епархии по публикациям «Оренбургских епархиальных ведомостей» 1912–1917 гг. / сост. А. Г. Щегольков: в 4 т. Т. 3. Челябинск, 2012. 280 с.

4. Распоряжение епархиального начальства // Оренбургские епархиальные ведомости (ОЕВ). 1912. № 28–29. Часть официальная. С. 307–312.

5. Акт // ОЕВ. 1914. № 37–38. Вкладыш. С. 1–2.

6. Журнал № 6 25 августа 1914 // ОЕВ. 1914. № 48–49. Часть официальная. С. 54–64.

7. К сведению Благочинных и духовенства епархии // ОЕВ. 1915. № 12. Часть официальная. С. 123–124.

8. Алфавитный список действительных членов Оренбургского Епархиального Михаило-Архангельского Братства за 1915 год // ОЕВ. 1916. № 15–16. Вкладыш. С. 14–19.

9. Акт // ОЕВ. 1915. № 33–34. Вкладыш. С. 43–47.

10. *Филологов М., прот.* Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского, для обозрения церквей Оренбургской епархии с 14-го мая по 7 июля 1916 года (Окончание) // ОЕВ. 1917. № 1–2. Часть неофициальная. С. 29–33.

11. *П. Л. М.* Пастырь добрый (Светлой памяти Священника о. Конст. Мих. Русанова, + 27 апреля 1917 года) // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 22. 22 июня. С. 3–4.

Priest Evgeny Shilov

FACES AND FATES OF THE FIRST GRADUATION OF THE ORENBURG THEOLOGICAL SEMINARY. PRIEST KONSTANTIN MIKHAILOVICH RUSANOV (1871–1917) (WITH HIS LETTER TO PRIEST SERGEI GUSEV AND OBITUARY)

Abstract: The article preceding this publication provides updated information on the biography of Priest Konstantin Mikhailovich Rusanov (1871–1917), a graduate of the Orenburg Theological Seminary and classmate of S. I. Gusev. The author's interest in the life of Priest K. M. Rusanov stems from his previous research into the life and work of S.I. Gusev-Orenburgsky and his direct involvement in the publication of his collected works. This publication includes a previously unpublished letter from K. M. Rusanov to S. I. Gusev. and an obituary of K. M. Rusanov, published in the newspaper "Orenburg Church and Social Herald" on June 22, 1917, three months after his death, unknown to the general readership.

Key words: Priest Konstantin Mikhailovich Rusanov, Orenburg Theological Seminary, S. I. Gusev-Orenburgsky, Alabuga, Kundravinskaya village.

About the author: Shilov Evgeny Vadimovich, priest, Ph.D. in Philosophy, Master of Theology, Associate Professor of the Department of the Modern Axiological Problems and Religious Thought of the Russian State Social University (Russia, Moscow).

Archival sources

1. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 1053. Op. 1, ed. hr. 13. «Pis'mo neustanovlennogo lica (bez podpisi). 30 marta 1898». *In Russian*.

Literature

2. Antipin N. A. Cerkov' vo imya Svyatogo velikomuchenika Dimitriya Solunskogo (s. Alabuga Krasnoarmejskogo rajona) // Kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat. CHelyabinskaya oblast', 2013 / sost. I. N. Perezhogina, O. V. Skrebkova, R. R. Hajretdinova. CHelyabinsk, 2013. S. 204–209. *In Russian*.
3. Duhovenstvo i cerkovnye deyateli Orenburgskoj eparhii po publikacijam «Orenburgskih eparhial'nyh vedomostej» 1912–1917 gg. / sost. A.G. SHCHegol'kov: v 4 t. T. 3. CHelyabinsk, 2012. 280 s. *In Russian*.
4. Rasporyazhenie eparhial'nogo nachal'stva // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1912. № 28–29. CHast' oficial'naya. S. 307–312. *In Russian*.
5. Akt // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1914. № 37–38. Vkladysh. S. 1–2. *In Russian*.
6. ZHurnal № 6 25 avgusta 1914 // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1914. № 48–49. CHast' oficial'naya. S. 54–64. *In Russian*.
7. K svedeniyu Blagochinnyh i duhovenstva eparhii // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1915. № 12. CHast' oficial'naya. S. 123–124. *In Russian*.
8. Alfavitnyj spisok dejstvitel'nyh chlenov Orenburgskogo Eparhial'nogo Mihailo-Arhangel'skogo Bratstva za 1915 god // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1916. № 15–16. Vkladysh. S. 14–19. *In Russian*.
9. Akt // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1915. № 33–34. Vkladysh. S. 43–47. *In Russian*.
10. Filologov M., prot. Poezdka Ego Preosvyashchenstva, Preosvyashchennejshego Metodija, Episkopa Orenburgskogo i Turgajskogo, dlya obozreniya cerkvej Orenburgskoj eparhii s 14-go maya po 7 iyulya 1916 goda (Okonchanie) // Orenburgskie eparhial'nye vedomosti. 1917. № 1–2. CHast' neoficial'naya. S. 29–33. *In Russian*.
11. P. L. M. Pastyr' dobryj (Svetloj pamyati Svyashchennika o. Konst. Mih. Rusanova, + 27 aprelya 1917 goda) // Orenburgskij cerkovno-obshchestvennyj vestnik. 1917. № 22. 22 iyunya. S. 3–4. *In Russian*.